

Л. Ф. Шарафутдинова

К ПРОБЛЕМЕ МЕТАЯЗЫКА ОПИСАНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются глубинные содержательные единицы человеческой ментальности, позволяющие описывать семантику единиц разной семиотической природы. В качестве таковых определяются базовые семантические признаки, способные вывести на один когнитивный уровень языковую семантику и воспринимаемую человеком внеязыковую действительность.

This article deals with the underlying meaningful unities of human mentality, which allow to describe semantics of different semiotic unities. They are defined as basic semantic features able to put language semantics and extralinguistic reality as it is perceived by man at one cognitive level.

Ключевые слова: метаописание, семантические примитивы, семантические признаки, базовые оппозиции, естественный язык, языковая семантика, структура значения слова, внеязыковая действительность, культурные объекты, символ.

Key words: metadescription, semantic primitives, semantic markers, basic oppositions, natural language, semantics, structure of meaning of words, extralinguistic reality, cultural units, symbol.

Цель данной работы — определение единых принципов метаописания языковых объектов и объектов культурной деятельности человека. Возможность использования для этих целей естественного языка обусловлена наличием у него мощных метаязыковых потенций: при соответствующих установках язык обнаруживает способность в полном объеме и непротиворечиво описывать самого себя.

В силу этого естественный язык обычно играет в культурной деятельности человека роль универсального средства метаописания любых культурных знаков и знаковых систем. Именно в этом смысле говорят о его первичности как знаковой системы.

Существующие наработки в этой области касаются главным образом проблемы метаописания содержательных единиц языкового сознания человека. В качестве основных способов описания содержательных объектов языка и культуры представляется возможным выделить, во-первых, метаописание на основе семантических примитивов, во-вторых, метаописание на основе семантических признаков и, наконец, метаописание на основе базовых оппозиций.

Структурной единицей лексического значения как комплексного образования принято называть «семантический компонент» (наряду с этим термином в лингвистике используются и такие термины, как «семантический признак», «семантический множитель», «сема») [1, с. 71]. Термин «семантический признак» наиболее точно определяет суть словарных и других толкований лексического значения слова в его неразрывной связи с внеязыковой реальностью.

Рассмотрим принципы выделения элементарных семантических признаков, находящихся в отношениях оппозиции, на примере грамматически и семантически различающейся антонимической пары *любовь* — *ненависть*: интегральная категориальная часть значений этих слов — «сильное чувство», дифференциальные признаки, по которым противопоставляются эти слова, — «хороший» и «плохой». Имплицитно эти концепты противопоставляются и по другим признакам, лежащим на периферии содержания данных слов, — «векторным», таким, как «внутреннее стремление к кому-либо, чему-либо» и «внутреннее стремление от кого-либо, чего-либо».

Семантические признаки и собственно базовые семантические оппозиции в силу своего внеязыкового характера являются средством описания не только языковых объектов, но и культурных. В качестве примера того, как культурные объекты описываются посредством семантических признаков и базовых семантических представлений, рассмотрим АРКУ.

Как отметила Т. А. Турскова, во многих культурах арка является образным репрезентантом небесного свода и жизни в целом [6, с. 34]. В греко-римской символике арка олицетворяет собой не только небо, но и бога неба — Зевса (Юпитера). Именно со значением бога-победителя связывается триумфальное прохождение воинов-победителей через арку. В символике обрядов инициации прохождение через арку означало новое рождение, полный отказ от прежней природы, окончание определенного этапа жизни и начало нового. Видимо, отсюда происходит традиция прохождения под аркой молодоженов.

Представляется, что такое восприятие обуславливается внешними характеристиками данного культурного объекта, которые ложатся в основу выделения определенного набора семантических признаков, определяющих структуру значения слова *арка*. Во-первых, арка представляет собой дугообразное перекрытие в стене между двумя опорами. Наличие правой и левой опоры позволяет

описать реальный объект посредством бинарной оппозиции *правый – левый*, при этом человек, находящийся в арке, занимает срединную позицию между противоположностями. Такое глубинное осмысление арочной конструкции в качестве прохода между правой и левой опорами как способа преодоления противоположностей нашло отражение во многих произведениях искусства. Например, в греческой мифологии Одиссей проплывает между двумя сходящимися Сциллой и Харибдой, побеждая их. В русской народной сказке, остановившись около камня, герой не идет направо или налево, а выбирает путь прямо.

Во-вторых, арка – это сквозное сооружение, проход сквозь которое представляет собой перемещение из одного пространства в другое, из освоенного в неосвоенное. В этих обстоятельствах актуализируются такие бинарные оппозиции, как *свое – чужое, близкое – далекое, позади – впереди*. При этом следует отметить, что первый член этих оппозиций отмечен как положительный, второй – как отрицательный, в связи с чем выделенные признаки могут быть сведены к базовой оппозиции *хороший – плохой*.

Пространство арки ограничено опорами по бокам и сверху, вследствие этого направленность, заданная оппозицией *правое – левое, верх – низ*, создает ощущение замкнутого пространства. Направленность же, заданная оппозицией *позади – впереди* не ограничена в пространственном плане и дает возможность выхода. Проход сквозь арку вперед предполагает принятие нового, посредством отказа от старого, находящегося позади.

Еще один пример такого рода – ЛАБИРИНТ. Как архитектурное сооружение лабиринт представляет собой конструкцию с одним входом и одним выходом, которые соединены между собой целой сетью возможных ходов, большая часть из которых является ложной и заводит в тупик. В силу этого, однажды попав в лабиринт, невозможно или очень трудно выбраться обратно. Считается, что некоторые лабиринты служат для того, чтобы заманить в них дьяволов, которые никогда не выберутся оттуда [4, с. 282]. Общая основная идея понимания лабиринта, как отметил Х.Э. Керлот, заключается в «потере “духа” в процессе создания... и вытекающей отсюда потребности возврата к духу посредством нахождения “центра”» [Там же, с. 283]. В контексте ассоциации с Сатаной лабиринт представляет знак подсознания, а также потерянности и отдаленности от источника жизни. В христианской символике лабиринт был символом крестного пути – к смерти и через смерть к вечной жизни. Путь в лабиринте является единственным, однако он неоднократно меняет свое направление, сначала ведет к центру, но, не доходя до него, поворачивает назад, затем снова движется к центру и вновь уводит от него, пока, наконец, не приводит к нему и не выводит наружу. Таким образом, основным признаком данного культурного объекта выступает запутанность пути. Именно этот признак является актуальным для семантизации слова *лабиринт* в языке, где оно толкуется как «здание со множеством помещений и запутанных ходов» (в древности в Египте и Греции), как «запутанная сеть дорожек, аллей в парке, саду, расположенных так, что посетителю трудно выбраться оттуда, а также часть парка, сада с такими дорожками», как «то, что имеет сложное и запутанное расположение», как «то, что трудно понять, в чем трудно разобраться» [5, с. 158]. Таким образом, запутанность пути как способ конструирования внутреннего пространства архитектурного сооружения закрепляется в структуре лексического значения слова *лабиринт*. Выделенный семантический признак позволяет сравнивать лабиринт как культурный объект со всем тем, что имеет запутанный характер пути: *лабиринт комнат, лабиринт дорог, лабиринт чувств*. Возникающие метафоры отражают способность языкового сознания к мышлению по сходству.

В связи с этим приведем несколько примеров. Так, в романе В. Набокова «Лолита» принципиальными становятся мотивы запутанности и поиска: проделанный Гумбертом Гумбертом путь по Америке, блуждание героя по ночным улицам в Бердслее, поиски Лолиты после ее бегства с Куильти практически полностью воссоздают структуру лабиринта [2, с. 327–340]. Запутанное движение героя к намеченной цели определяет его мотив в этом романе. Лабиринт, таким образом, становится аллегорическим образом сложного пути человека через грехи и соблазны к истине в самом себе.

В рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Сад расходящихся тропок» в значении слова *лабиринт* актуализируется еще один семантический признак «множественности ходов», что позволяет автору назвать лабиринтом не только сад как таковой, но и книгу со множеством вариантов понимания текста, а также время как философскую категорию. Иными словами, в результате подобной метафоризации пространственная модель лабиринта трансформируется во временную.

Таким образом, реальные объекты окружающей нас действительности и выраженные в языке представления о них могут быть соединены посредством выделения семантических признаков как языкового средства, выводящего на один когнитивный уровень языковую семантику и воспринимаемую человеком внеязыковую действительность. Возможность выявления в структуре значения слова тех или иных базовых семантических признаков позволяет использовать стоящие за этими словами конкретные объекты реальности в качестве символов.

Список литературы

1. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград, 2005.
2. Берестнев Г. И. Соблазн и спасение Гумберта Гумберта. Опыт аналитико-психологического прочтения романа В. Набокова «Лолита» // Russian Literature. 2002. 52. С. 327–340.
3. Золотова Н. О. Слово в словаре и лексиконе: проблема метаязыка // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 2000. С. 32–38.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 2.
6. Турскова Т. А. Новый справочник символов и знаков. М., 2003.

Об авторе

Л. Ф. Шарафутдинова — асп., РГУ им. И. Канта, lucija_18@rambler.ru.

Author

L. F. Sharafutdinova — PhD student, IKSUR, lucija_18@rambler.ru.